

УДК 940(069.01)

Л.А. Лозовая

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920-е гг.)

Представлен первый опыт изучения историографии музейного дела Западной Сибири в начальный период ее формирования, в 1920-е гг. Раскрыты особенности решения задачи овладения марксистской методологией и классовым подходом в изучении истории музейного дела в Западно-Сибирском регионе. Выявлены основные формы накопления и представления историко-музейных знаний – публицистические выступления в журнальной периодике Г.И. Черемных и др. авторов, статьи профессиональных музейных работников М.Б. Шатилова, Ф.В. Мелехина, М.П. Копотилова и др.

Ключевые слова: историография, музейное дело, изучение музеев Западной Сибири.

Первые работы по истории отдельных музеев в России появились еще в XVIII в., и почти целое столетие понадобилось, чтобы история российских музеев стала исследоваться профессионально, осознаваться как составная часть исторической науки с присущим для нее критическим подходом к изучению прошлого. Исследователи российского музейного дела, работавшие в XIX – начале XX в., руководствовались общей для исторической науки идеей исторической закономерности, сформировавшейся под влиянием философии Канта [1. С. 225]. Однако коренные перемены в стране, вызванные революцией 1917 г., поставили перед историками и музейными работниками задачи овладения марксистской методологией и классовым подходом в изучении исторического прошлого.

История и современность западносибирских музеев начали освещаться по преимуществу в статьях публицистического характера уже после революции, с начала 1920-х гг. В журнальной периодике была развернута дискуссия о характере и сущности музея как такового. Одни авторы рассматривали музеи как организационные центры краеведческих исследований, как образовательные учреждения [2. С. 85; 3. С. 151; 4. С. 10]. При этом, отстаивая значение музея как научно-исследовательского учреждения, Г.И. Черемных подчеркивал его роль в содействии «государственной власти в деле хозяйственного и культурного строительства» [5. С. 99; 6. С. 2]. Одновременно высказывалось мнение о том, что сибирские музеи – это политико-просветительные учреждения [7. С. 203; 8. С. 152–153].

Ближе к концу 1920-х гг. Г.И. Черемных и Н.К. Ауэрбах попытались объединить две точки зрения на сибирские музеи, писали, что вопрос о том, являются ли музеи учреждениями краеведческого (т.е. исследовательского) или политико-просветительного характера, теряет свою остроту. И объясняли это следующим образом: «Сибирские

музеи в силу своего возникновения, развития и современного состояния в основном были и есть музеи краеведного характера, преследующие цели отразить прилежащий к ним район. При этом они всегда были музеями систематическими. Поэтому вполне понятно, что в своей работе они, главным образом, связаны с научно-исследовательской деятельностью». Авторы добавляли, что музеи, являясь «наиболее доступными проводниками знания о родном крае в широкие массы», не могут не заниматься популяризацией, просвещением и потому «тесный контакт работы музеев с политпросветительными учреждениями является необходимой принадлежностью музейной работы». Отмечали, что такие контакты в Сибири вполне установились [9. С. 133]. Рассматриваемая статья Г.И. Черемных и Н.К. Ауэрбаха завершалась характерными для конца 1920-х гг. требованиями, которые выдвигались перед советскими музеями: они должны доказать свою «общественную полезность тем классам общества, которые сейчас творят жизнь и широким фронтом развивают социалистическое строительство. Только в ногу с общим ходом светского строительства музеи сибирского края смогут обеспечить свой расцвет и полное развитие» [9. С. 134].

С середины 1920-х гг. возрос интерес профессиональных музейных работников к освещению музейной деятельности. Осознание важности происходивших в музеях изменений стало основанием подготовки исторических очерков и статей об отдельных музеях. Работая непосредственно в музеях, авторы таких очерков имели возможность глубоко вникнуть в музейные проблемы, осветить их, имея под рукой достоверные исторические источники в виде документов, музейных предметов, а также личных впечатлений.

Так, многообразие деятельности Томского краевого музея отразил М.Б. Шатилов, основываясь на собственном опыте работы, используя све-

дения из периодической печати, документальных публикаций [10. С. 1–37; 11. С. 92–104]. С исчерпывающей полнотой он осветил предпосылки создания музея в Томске, связал их с общим для России конца XIX – начала XX в. пробуждением интереса к музею как многофункциональному учреждению социокультурного назначения, детально описал процесс основания и открытия музея. Опираясь на документы, которые позже были утрачены, М.Б. Шатилов указал точную дату – 14 февраля 1920 г., которую он считал «начальным моментом» в истории создания Томского музея. Впоследствии названная М.Б. Шатиловым дата была забыта, и открытие музея датировалось 1922 г. На ошибочность 1922 г. как даты основания Томского музея первой указала С.Е. Григорьева [12. С. 139].

В работах М.Б. Шатилова охарактеризована деятельность сотрудников по выявлению, сбору, систематизации и популяризации музейных предметов, подробно рассказано об общественно-организационной работе по охране памятников культуры, о научно-исследовательской, художественно-выставочной, экспозиционной деятельности музея. Важно отметить, что автор, будучи руководителем и организатором музея, проявил большую осведомленность в освещении всех направлений и форм музейной работы, представил структуру музея с подробным описанием отделов и подразделов, с характеристикой наиболее интересных, с его точки зрения, коллекций и отдельных предметов. Он включил в свои статьи и подробное описание музейной экспозиции, сохранив, таким образом, сведения о ней, которые позволяют оценить качественную сторону музейной работы.

Другие труды М.Б. Шатилова, как и статьи И.М. Мягкова, по большей части посвящены вопросам организации и проведения научных экспедиций для сбора музейных материалов, описанию их результатов [13. С. 294–296; 14. С. 51–86]. Эти публикации позволяют оценить новаторский характер экспедиционных работ томских музейщиков: М.Б. Шатилов одним из первых обследовал отдаленные северные территории Томского края, собрал и доставил в музей предметы, характеризующие культуру сибирских народов [15. С. 139–167; 16. С. 3–175]. И.М. Мягкову принадлежит честь открытия новой археологической культуры, ныне известной как кулайская [17. С. 65–69].

В оценке трудов томских музейщиков необходимо согласиться с С.Е. Григорьевой, которая провергла присутствующее в литературе мнение о том, что в Томском музее наблюдалась

«пестрота коллекций», отсутствовала «цельность и логическая завершенность в структуре музея», имелся «недостаток практических навыков и теоретических разработок в области музейного строительства у организаторов музея» [18. С. 59]. Напротив, М.Б. Шатилов предстает как высококвалифицированный специалист, хорошо понимавший важность музейной работы по сохранению и изучению культурного наследия, по «борьбе с всеокрушающим временем». Он представлял музей как центр культурно-просветительной и образовательной работы, когда писал: «Музей – открытая книга даже для неграмотных». В то же время подчеркивал научное значение музейного собрания: «Особенно жизненное, актуальное значение получает музей именно в наше время – время переоценки всех ценностей, время строительства новой жизни на развалинах прошлого, когда мы, подобно древним грекам, говорившим «познай самого себя», должны сказать: “Познай свой край, познай старое, чтобы творить новое”» [10. С. 37].

Так же как и М.Б. Шатилов, омский музейщик Ф.В. Мелехин осветил все стороны деятельности Омского музея, основываясь на собственном опыте работы, назвав свою статью отчетом за пять лет [19. С. 121–150]. Как исследователь, Ф.В. Мелехин не мог обойти вниманием историю становления музея, фонды которого находились в плачевном состоянии, когда он вступил в должность хранителя. Будучи профессиональным музейщиком, Ф.В. Мелехин понимал, что состояние музейных фондов определяет всю последующую деятельность музея. Исторические зарисовки из жизни музея он написал, основываясь на годовых отчетах Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, музейной документации в виде инвентарных описей, в которых, по его словам, «достаточно ярко» были отражены вопросы пополнения коллекций, организации их научной обработки и хранения. Ф.В. Мелехин осветил также систему управления музеем, его материальное положение, описал экспедиционную, экспозиционную, просветительную деятельность, размах и профессионализм которых поражает. Как большую редкость для изданий 1920-х гг. нужно отметить наличие иллюстративного материала, к статье Ф.В. Мелехина прилагались фотографии музейного здания, ботанического сада и, что очень важно для изучения истории музейного дела, экспозиционных залов музея.

Для полноты характеристики музейных исследований в Омске нужно сказать о статьях сотрудников Омского музея В.П. Левашевой и М.И. Крота, рассказывавших о собирательской и культурно-просветительной работе в музее [20. С. 157–161; 21. С. 189–196; 22. С. 181–187].

Опыт перестройки музейной деятельности на новый социалистический лад осветили тобольские музейщики И.В. Телишев и М.П. Копотилов. В небольших публикациях они рассказали о работе антирелигиозного и историко-революционного подотделов в Государственном музее Тобольского Севера, созданных в самом конце 1920-х гг. [23. С. 11–14; 24. С. 39–44]. Статьи эти свидетельствуют скорее о попытках приспособиться к требованиям советского музейного руководства, чем о реальной перестройке музейной работы. Так, подотдел, названный в заголовке статьи как антирелигиозный, в действительности имел название «История религии в Тобольском округе». А в качестве целевой установки работы подотдела ставилась задача, имеющая научное значение, – показать «развитие идеи Бога» и ее отражение в искусстве на территории Тобольского округа. Приноравливаясь к новым требованиям, И.В. Телишев добавлял о намерении выявить эксплуататорскую и реакционную роль духовенства [24. С. 39].

Судя по публикациям, все материалы в экспозициях двух подотделов Тобольского музея были расположены «по принципу исторической последовательности», представляли собой ценные вещественные и изобразительные источники. При этом, вопреки требованиям классового подхода к изучению исторического прошлого, никакого разоблачения царизма и его политики в музее практически не было. Посетители с большим интересом рассматривали редкие для православия скульптуры Христа и христианских святых, которые распространялись среди сибирских «инородцев», фото Григория Распутина, фотографии и личные вещи семьи Николая II, находившейся в первые месяцы 1918 г. в Тобольске, документы о крестьянских восстаниях под лозунгом «Советы без коммунистов». Заключительные слова в статье И.В. Телишева о том, что материалы нового подотдела «будут иметь большое значение в деле антирелигиозной пропаганды в Тобольском округе» [24. С. 40], были лишь пожеланием и вряд ли удовлетворяли требованиям, которые предъявлялись в то время к советским музеям.

К концу 1920-х гг., когда ситуация в исторической науке, в том числе и в музееведении, стала заметно меняться и все сильнее ощущалось давление государственной идеологии на научные исследования, на первый план был выдвинут тезис о том, что «подлинное историческое знание – это знание действительного развития человечества, это – познание необходимости и неизбежности утверждения коммунизма...» [25. С. 8]. Работы сибирских, как и других российских музееведов, явно не соответствовавшие такому требованию, отодвигались на обочину и вскоре были подвергнуты «разоблачительной» критике как аполитичные, а значит, непригодные, требовавшие пересмотра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. XII, 342 с.
2. Жерновков Г. С чего начинать (о задачах краеведения) // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1923. № 8. С. 81–88.
3. Н. Ю. Народное образование в Омской губернии // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1923. № 8. С. 148–151.
4. Черемных Г. Организационные формы научно-исследовательской деятельности на территории Сибирского края // Первый Сибирский научно-исследовательский съезд: материалы к докладу пленума. Новосибирск, 1926. С. 10.
5. Черемных Г. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1924. № 10. С. 95–101.
6. Черемных Г. Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Сибиреведение. Новосибирск, 1927. № 1. С. 1–6.
7. Политико-просветительная работа в Сибири // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1923. № 9–10. С. 200–203.
8. В. П. Политпросветработы в Сибири // Сибирский педагогический журнал. Новониколаевск, 1923. № 3. С. 152–153.
9. Ауэрбах Н.К., Черемных Г.И. Состояние музейного дела в Сибирском крае // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1928. № 9–10. С. 133.
10. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
11. Шатилов М.Б. Обзор деятельности Томского краевого музея (1927–1928 гг.) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 92–104.
12. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Том. гос. ун-та. История. Томск, 2011. № 1(13). С. 137–140.
13. Шатилов М.Б. Научно-исследовательские работы Томского краевого музея за летний сезон 1927 г. // Краеведение. М., 1928. № 5. С. 294–296.
14. Мяков И.М. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 51–86.
15. Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 139–167.
16. Шатилов М.Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4. 175 с.
17. Мяков И.М. Находка на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 65–69.
18. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 224 с.
19. Мелехин Ф.В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Известия (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 121–150.
20. Левашева В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–27 гг. // Известия (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 157–161.
21. Левашева В.П. Путеводитель по археологическим отделам // Изв. (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 189–196.
22. Крот М.И. Краткая объяснительная записка для руководства при обозрении экспонатов геологического отдела музея // Изв. (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 181–187.
23. Копотилов М. Историко-революционный подотдел Музея Тобольского Севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск, 1928. № 1. С. 11–14.
24. Телишев И. Краткое описание антирелигиозного подотдела в Государственном музее Тобольского Севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск, 1929. № 1–2. С. 39–44.
25. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 659 с.